

зелень всасываетъ въ себя молоко дѣтства; деревья остаются въ этомъ возрастѣ, цвѣты покрываются нѣжною кожицей“. Авторъ хочетъ всѣмъ этимъ сказать, что утро дней всегда бываетъ таково; Сержъ также это чувствуетъ, ибо онъ самъ рождается, какъ ежедневно рождается каждое утро. „Онъ родился, — говоритъ авторъ, — подъ лучами солнца, родился прямо двадцати-пятилѣтнимъ юношей, и чувства раскрылись въ немъ вдругъ. — Какъ ты прекрасен! — восклицаетъ Сержу Альбина, и договариваетъ: — Я тебя никогда не видала такимъ. — Онъ дѣйствительно выросъ.... Здоровье, сила, мощь отпечатлѣвались на его лицѣ. Онъ не улыбался, губы его оставались сжатыми, щеки пополнили, носъ очерчивался ясно, сѣрые глаза были совершенно свѣтлы и смотрѣли властно“.

Почему же „властно“? — Потому, что это — Адамъ.

Альбина нашла, что и голосъ Сержа также измѣнился: „Ей казалось, что онъ раздавался въ паркѣ болѣе мягко, чѣмъ пѣніе птичекъ, и въ то же время съ большимъ авторитетомъ, нежели дуновѣніе вѣтра, колеблющаго дерева“.

Почему же голосъ Сержа имѣлъ авторитетъ? — Опять потому, что онъ — Адамъ.

Но Сержъ еще мало воспримчивъ; онъ походитъ на юное божество, безразличное ко всему и безстрастное. И вотъ, онъ засыпаетъ глубоко, въ тѣни розоваго куста въ полномъ цвѣту. Въ ту минуту, когда онъ проснулся отъ брошенныхъ въ него лепестковъ розы рукою Альбины, въ немъ пробуждается инстинктъ его пола, и онъ ей говоритъ: „Я знаю, что ты — моя любовь, плоть отъ моей плоти... Я видѣлъ тебя во снѣ. Ты была въ моей груди, и я тебѣ далъ мою кровь, мои мускулы, мои кости. Ты взяла половину моего сердца, но такъ нѣжно, что подѣлиться съ тобою сердцемъ доставило мнѣ восторгъ... Я проснулся, когда ты вышла изъ меня“.

Все это можетъ быть названо комментариемъ скорѣе къ Библии, чѣмъ къ натурализму. Но вотъ и послѣдующій текстъ: „Альбина распустила тяжелыя косы на головѣ, и пряди волосъ покрыли ей грудь, на подобіе царской одежды“...

Почему именно — „царской“? Но потому, что она теперь — Ева, она — солнце творенія, она — самое солнце. „Сержъ цѣловалъ каждую прядь ея волосъ, жегъ себѣ губы, обдаваемый сіяніемъ заходящаго солнца“.

Надобно думать, что они мало-по-малу должны слиться въ одно существо, — существо высоко-прекрасное. А чтобы мистически объяснить такое сліяніе человѣческой пары воедино и са-